

Очень скоро перед ней предстал знакомый и дорогой черный автомобиль. Мужчина, сидевший за рулем, был одет в безукоризненный костюм, его волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая острое красивое лицо со слегка поджатым ртом и холодными, величавыми глазами, источавшими природное благородство.

Он взглянул на женщину, не говоря ни слова, но его взгляд, казалось, указывал на то, что ей пора сесть в машину. Прошло шесть месяцев с тех пор, как она видела своего мужа, и он приехал за ней лично.

Посреди толпы, под восхищенными или завистливыми взглядами прохожих, Ань Мэйцзун ощущала неопишуемое чувство радости. Улыбка на ее лице стала еще более лучезарной и застенчивой.

На холодном ветру она слегка опустила голову, словно не выдержав холодного ветерка, словно нежная ива. Она подсознательно подошла к пассажирской стороне машины, желая открыть дверь, но изо всех сил пыталась ее открыть.

Ее улыбка на мгновение замерла, когда она посмотрела вниз.

На пассажирском сиденье уже сидела нежная розовая кукла, уложенная в специально сконструированное детское кресло и пристегнутая ремнем безопасности. Когда она оглянулась, куколка наклонила голову и заморгала, делая вид, что ведет себя хорошо, но не называла ее «мама», словно глядя на незнакомца.

Этот упрямый ребенок даже не подумал уступить ей место.

Ань Мэйцзун могла только неловко прекратить свои действия и пойти на заднее сиденье, чтобы найти себе место. В результате большое заднее сиденье было заполнено сумками из супермаркета, игрушками и закусками, оставив ей только одно место.

Они фактически заставили ее сесть рядом с сумками с покупками. Со всем ее тщательно подобранным нарядом и идеальным макияжем ее полностью затмили эти вещи, покрытые логотипами супермаркетов.

Лицо Ань Мэйцзун стало еще более жестким. Она крепко сжала свою дизайнерскую сумочку и спросила: «Юньцю, мы как раз возвращаемся в старый дом на Новый год. Зачем ты купил так много вещей?» Неужели нельзя было купить эти вещи в любое время?

Инь Юньцю, держа руль, лаконично ответил: «Ребенку это нравится». Итак, он купил их. Как отец, не должен ли он попытаться удовлетворить потребности своего ребенка в пределах своих возможностей?

Как сообщник, Инь Минлу несколько раз хихикнул, глядя на отца с милым и невинным

выражением лица.

Увидев снова улыбку на лице своего маленького сына, ранее прямые губы Инь Юньцю слегка изогнулись.

Не слишком ли он баловал ребенка? Ань Мэйцзун не нашла слов, чтобы сказать, но вскоре спросила: «Тогда почему бы не положить их в багажник? Они должны быть со мной?» Неужели она должна сидеть вместе с ними?

У нее все было спланировано: если Юньцю придет за ней, она сядет на переднее пассажирское сиденье и сделает красивое селфи с ним в роли главного героя, незаметно впустив лицо Инь Юньцю в кадр, а затем опубликует это в своей социальной сети.

Она хотела, чтобы ее круг друзей знал, что Юньцю приехал забрать ее, и они были на пути к примирению.

После разрыва с Инь Юньцю и отмены свадьбы жизнь Ань Мэйцзун не была такой гламурной, как раньше. Она думала, что ее близкие подруги, сестры из ее круга, все равно поддержат ее, но они выгнали ее из группы «богатых и красивых».

Они были холодны и саркастичны, накапливали оскорбления и даже не удосужились пригласить ее, когда ходили за одеждой. Некоторые даже говорили: «Почему ты ведешь себя так высокомерно и могущественно? Проснись, ты больше не будущая госпожа Инь, ты просто падший феникс, недостойный кричать на нас. Мой парень все еще богатый человек в этом кругу». С этими словами она гордо взяла своего парня за руки и ушла.

Остальные люди не издевались над ней, но, казалось, ждали, сможет ли она изменить ситуацию, успешно примириться с Инь Юньцю или связаться с другим богатым молодым человеком. Поэтому они сохраняли бдительность и не протягивали руку помощи.

У некоторых, похоже, были скрытые мотивы: они с энтузиазмом знакомили ее с потенциальными женихами или поощряли ее ходить на свидания вслепую, причем этими потенциальными женихами были богатые люди или бриллиантовые сыновья из пригородов столицы.

Из-за того, что Инь по происхождению была молодым господином, она все еще имела высокую ценность в их глазах, и многие молодые люди интересовались ею. Похоже, они хотели узнать, какая женщина была в отношениях со знаменитым молодым господином Инь, человеком, который дошел до помолвки.

Итак, движимые любопытством, эти люди часто присылали Ань Мэйцзун цветы и подарки, изредка приглашая ее пообедать в пятизвездочных отелях. Все они были богаты и имели средства, но никто из них не мог сравниться с высоким, красивым, успешным и чистым Инь Юньцю.

Кроме того, эти люди имели сомнительную личную жизнь и часто были вовлечены в сложные отношения с разными мужчинами и женщинами. Время от времени она принимала их приглашения и ходила с ними на ужин, но это не означало, что она собиралась вступить с ними в романтические отношения.

В глубине души она любила только Юньцю, и эти обычные мужчины не могли ее тронуть. В конце концов, если у вас были отношения с богатым молодым человеком высшего уровня, как вы могли еще интересоваться этими плейбоями?

На лице Ань Мэйцзун отразилось презрение, но втайне она была рада, что ее обаяние не уменьшилось.

По какой-то напрасной и загадочной причине, даже узнав, что Инь Юньцю приезжает забрать ее и ребенка на Новый год, она не порвала связей с этими молодыми людьми. Они все еще были в ее списке контактов, время от времени посылая ей двусмысленные ночные приветствия.

Ань Мэйцзун не позволила бы Юньцю узнать об этих вещах конфиденциально. Она планировала удалить всех этих людей, как только полностью помирится с Юньцю. А пока эти люди часто ласкали ее, чтобы сделать ее счастливой, поэтому она оставила их в покое.

В конце концов, Юньцю никогда не заботился об этих вещах и не любил спрашивать о личной жизни своей возлюбленной. Он не узнает.

Итак, Ань Мэйцзун чувствовала себя оправданной в сохранении этих двойных взаимодействий. Она знала, что в кругу ее сестер возвращение сердца Юньцю было ее капиталом.

Эти молодые люди были в лучшем случае просто темой для разговора. Поэтому она планировала использовать эту возможность во время Нового года, чтобы полностью изменить мнение Юньцю и добиться ее великой трансформации.

Она хотела опубликовать фотографию в своих социальных сетях, чтобы провозгласить свой суверенитет. Но она не ожидала, что не сможет сидеть на переднем сиденье, а заднее сиденье было завалено пакетами с покупками из супермаркета.

Если бы она сфотографировалась, ей неизбежно пришлось бы включить в нее эти громоздкие, неприглядные сумки. Она не знала, будет ли ответ восхищением, завистью или насмешкой.

Она хотела, чтобы Юньцю перенес сумки в багажник, но когда узнала, что заднее отделение также заполнено игрушками и новогодними товарами для семейных визитов, ей пришлось неохотно сдаться и положить телефон.

Но без фотографий все было в порядке; результат был тем, что имело значение.

По дороге Ань Мэйцзун ломала голову над тем, чтобы поговорить с отцом и сыном. Она хотела спросить, как малыш поживал в последнее время, скучает ли он по маме и другие вопросы, пытаясь пробудить в ребенке глубокую привязанность к материнской любви.

Слезы были лучшим оружием женщины. Как только эти жемчужные слезы покатались по ее щекам, даже если эта женщина совершила ужасные преступления, большинство людей не смогли бы снова обвинить ее. Большинство предпочло бы простить.

Когда Ань Мэйцзун собиралась пролить слезу, блестящие слезы закружились в ее прекрасных глазах. Однако ребенок Инь Минлу внезапно вытащил пистолет и нацелил его прямо на нее, напугав ее.

Он с силой нажал на спусковой крючок, и из дула пистолета словно что-то вылетело. Зрачки Ань Мэйцзун сузились, и она собиралась закричать, но ей в лицо ударила стопка бумаги.

Ань Мэйцзун: «...»

В оцепенении она взяла бумагу со своего тела. Оказалось, что вылетела пачка реалистичных фальшивых купюр, причем лица на них даже имели комическое выражение, словно издевались над ней за чрезмерную тревогу.

Ань Мэйцзун подавила свой гнев и собиралась отругать ребенка за такие шутки с матерью.

Но ребенок, казалось, был совершенно равнодушен к ее неприятному выражению лица. Он продолжал играть с игрушечным денежным пистолетом, раздувая красный ротик и издавая игривые звуки «биубиуби~», как будто это была просто безобидная шутка. От легкого нажатия его маленькой ручки в воздух полетели еще фальшивые купюры.

Пухлому ребенку, казалось, было очень весело, и его сладкий голос спросил: «Папа, как ты думаешь, мой пистолет хорошо выглядит? Выгляжу ли я мощно, когда стреляю?»

Видя его озорство, Инь Юньцю тоже улыбнулся и не возражал против фальшивых купюр на своем костюме. Он похвалил: «Выглядит хорошо, очень мощно». Это был всего лишь случайный комментарий: какое отношение к тому, чтобы быть таким маленьким и милым, было «мощно»?

Однако малыш не удержался от комплиментов. Получив похвалу, он улыбнулся серповидными глазами и продолжил стрелять из игрушечного пистолета, но вскоре у него кончились «патроны».

Ребенок потряс денежным пистолетом, несчастно дуюсь. Похоже, он еще не успел достаточно повеселиться. Поэтому он повернулся к отцу, который всегда его баловал, и сказал: «Папа, у меня закончились «патроны»».

Услышав это, Ань Мэйцзун почувствовала облегчение, наконец-то сумев выпустить дыхание, застрявшее у нее в горле. Она скомкала упавшие на юбку купюры, решительно думая про себя: «Ты, маленький негодяй, посмотрим, как ты теперь можешь плохо себя вести».

В тот момент, когда ребенок размышлял, стоит ли тихо поднять фальшивые купюры, Инь Юньцю взглянул на него и использовал свои глаза, чтобы остановить действия ребенка.

Он сказал: «Детка, не ерзай. Когда мы вернемся домой, папа соберет их для тебя». Это не имело большого значения. Если эти фальшивые купюры закончатся, их смогут заменить настоящими.

Хотя распыление настоящих денег могло создать впечатление демонстрации богатства, Инь Минлу играл с ними только дома, поэтому никакой опасности не было.

Тем не менее, тот факт, что он лично соберет «деньги» для своего ребенка, удивил Ань Мэйцзун. Увидев, как отец и сын веселятся и улыбаются друг другу, Ань Мэйцзун, сидевшая на заднем сиденье, почувствовала, как ее глаза темнеют, а сердце наполняется муравьями, как будто ее полностью исключили после полугодового отсутствия.

Ань Мэйцзун отказалась от мысли отругать Инь Минлу, но она не могла вынести беззаботного выражения лица ребенка. Она выдавила из себя улыбку, которая, казалось, была наполнена доброжелательностью, и посоветовала

«Юньцю, ты не можешь так портить ребенка. Что, если он станет испорченным? В столь юном возрасте он уже озорничает, целясь в родителей из игрушечного пистолета. Такие шалости нехороши. Если мы не накажем его, он может в будущем издеваться над другими детьми, когда пойдет в детский сад».

«Этого не произойдет; ребенок очень хорошо себя ведет». Несмотря на свой юный возраст, он был одновременно умен и вежлив. Когда он улыбался, он был очень милым, словно сияющее от природы маленькое солнышко.

Почти каждый, кто встречал этого ребенка - родственники и друзья, притягивались к нему, не могли не хвалить, насколько он красив и насколько похож на своего отца. Они говорили, что его обязательно ждет блестящее будущее, когда он вырастет.

Хотя Инь Юньцю не понимал связи между хорошим внешним видом и блестящим будущим, ему нравилось, когда люди говорили, что его ребенок похож на него. Такой симпатичный ребенок никогда бы не стал издеваться над другими, верно?

Что касается комментария Ань Мэйцзун о том, что ребенок направил на нее пистолет, подразумевая, что он разыграл ее и проявил неуважение к ней, Инь Юньцю нахмурился.

Ему не понравилось слышать такие слова, и он ответил: «Ребенок просто играет с тобой, потому что ты ему нравишься. Если тебе это не нравится, не ругай его».

За последние полгода заботы о Минлу он с каждым днем привязывался к нему еще больше. Иногда, когда ребенок оставался один дома и не отвечал на телефонные звонки более минуты, Инь Юньцю волновался, не случилось ли что-нибудь с ребенком.

Он мог бы задаться вопросом, не захлебнулся ли ребенок во время плавания, упал ли с лестницы или его укусила кошка домработницы. Чтобы успокоиться, он часто приводил Минлу в офис после работы.

Он считал, что понимает чистое сердце ребенка лучше, чем Ань Мэйцзун, беспечная и рассеянная. Более того, Минлу тоже направил на него пистолет, издавая игривые звуки, смеясь и стреляя повсюду деньгами. Что это означало?

Ребенок играл с ней, потому что чувствовал себя рядом с ней. Если бы она ему не нравилась, он бы просто игнорировал ее, и у него не было бы таких посторонних мыслей.

Ань Мэйцзун была ошеломлена выводом мужа. Он не только не ругал ребенка, но даже перевернул ситуацию, предположив, что она не оценила доброжелательность ребенка.

Более того, она подумала, что Инь Минлу, этот маленький негодяй, не выглядел так, будто она ему вообще нравилась. Не видевшись с ней полгода, он словно совсем забыл о матери.

Просто посмотрите на его лицо, с выражением злорадства и удовлетворения, как будто рядом с ним был отец, который поддерживал его. Это разозлило Ань Мэйцзун, и она заскрежетала зубами, думая: «Он действительно не моя плоть и кровь. Я не могу его приручить. Маленький паршивец, ты можешь пока плохо себя вести, но как только я помирюсь с твоим отцом, ты будешь в моей власти».

Помня об этих мыслях, гнев Ань Мэйцзун утих.

Группа поехала и вскоре прибыла в старый особняк семьи Инь, где встретила г-на Иня*.

* Патриарх Инь; дедушка Минлу

Г-ну Иню на вид было около шестидесяти, но у него все еще было крепкое телосложение. Он был одет в традиционную китайскую одежду, источавшую атмосферу старомодной аристократичности. Он держал нефритово-зеленую птичью клетку с попугаем, который постоянно хлопал крыльями и щебетал.

По их прибытии г-н Инь не обратил на них внимания и продолжил играть со своей птицей. Даже когда ребенок у его ног с трепетом смотрел на птицу своими большими темными глазами

и мог определить породу попугая, его очаровательное поведение не смогло покорить сердце г-на Иня.

Он сохранил свою вежливую, но отстраненную позицию. Ведь он прожил больше полувека и привык к лести. У него был свой характер, и он ненавидел таких женщин, как Ань Мэйцзун, у которых были внебрачные дети и которым не хватало самоуважения.

Особенно, когда у них были сильные скрытые мотивы и, казалось, они пытались подняться по социальной лестнице. Такие женщины могут участвовать в богатстве, но никогда не должны участвовать в жизни и смерти. Если бы он женился, то это был бы кто-то с хорошим характером, способный изящно вести домашнее хозяйство и стоять рядом с ним несмотря ни на что, как его покойная жена.

К сожалению, по какой-то причине в браке троих его детей возникли проблемы, вызывающие у него постоянные головные боли. Следовательно, у него сложилось не очень хорошее впечатление об Ань Мэйцзун и ее сыне.

Этот год был относительно спокойным; в предыдущие годы он даже отказывался с кем-то встречаться на Новый год. Когда он увидел Ань Мэйцзун, держащую на руках своего ребенка, он приказал слугам вывести ее.

Однако, несмотря на такое упрямство, он испытывал глубочайшие чувства к первоначальному хозяину.

После того, как правда о прошлой жизни была раскрыта, у пожилого г-на Иня действительно случился сердечный приступ, и он оказался в отделении интенсивной терапии больницы.

Спасать его было почти слишком поздно, и это было одной из причин, по которой семья Инь позволила Инь Минлу жить на улице, не заботясь об этом. Однако, как только г-н Инь пришел в сознание, он с кислородной маской на дрожащих губах произнес одну фразу: «Я хочу увидеть Минлу, ребенок невиновен».

Когда он узнал, что ребенок погиб в автокатастрофе, г-н Инь внезапно закрыл глаза.

Увидев это, Инь Минлу моргнул своими круглыми слезящимися глазами. По сигналу отца он в своем праздничном красном наряде сделал несколько шагов вперед, почтительно поклонился, а затем робко протянул чашку чая, произнес, заикаясь, несколько благоприятных слов: «Настал Новый год, желаю дедушке удачи, как восточное море, долгая и здоровая жизнь, и пусть все пройдет гладко, проживем сто лет».

Его благословения были произнесены и от имени первоначальному хозяина, особенно последнего, с пожеланиями долгой жизни, что было абсолютно искренне.

Ребенок перед ним был одет в свой любимый ярко-красный наряд, белокурый и пухлый, напоминавший маленькое небесное существо с новогодней картины. Его маленькое лицо осветилось, когда он держал чашку чая, его взгляд был чистым и очаровательным. Однако его голос был слегка хриплым, наполненным ноткой нежного волнения.

Видя, что ненадежная мать ребенка, кажется, хорошо его учит, старик про себя вздохнул. Он вежливо принял заранее приготовленный чай и не смог сдержать улыбку.

Лицо ребенка сразу озарилось улыбкой. При ближайшем рассмотрении он еще больше походил на пухлого ребенка с новогодней картины, держащего жирную рыбу.

Господин Инь фыркнул: «Хмф». Несмотря на его симпатичную внешность, попытки угодить ему были бесполезны. В конце концов, почему у него была такая мать?

Тем не менее он достал со стола уже приготовленный красный конверт и протянул его ребенку. Он сказал несколько сдержанно: «Это немного, всего триста тысяч. Используй его по своему усмотрению».

Он не проявлял фаворитизма; он приготовил для каждого представителя молодого поколения. Хотя ему не нравились Ань Мэйцзун и ее сын, красный конверт для Инь Минлу все равно был довольно щедрым. Более того, этот красный конверт будет передаваться каждый год, а также дополнительно по десять тысяч каждый год по мере того, как ребенок подрастет, пока он не женится и не сделает свою карьеру.

«Спасибо, дедушка~», — послушно сказал Инь Минлу, обнимая старика двумя стрелковыми руками. Он не возражал против окоченевшего тела старика и нежно уткнулся в него своим маленьким личиком.

Увидев красный конверт в руке ребенка и услышав сумму, Ань Мэйцзун, тихо стоявшая в стороне, широко раскрыла глаза, ее сердце бесконтрольно колотилось.

Она подумала про себя: «Семья Инь действительно щедрая. Это всего лишь малыш, и он дал триста тысяч за один раз. Сколько родственников в семье Инь накопится, сколько денег они накопят? По крайней мере, это должно быть два-три миллиона. Мне нужно найти способ получить эти деньги. Они должны принадлежать моей дочери. Почему они должны быть у Инь Минлу?»

«Вы устали от дороги? До новогоднего ужина еще далеко. Вы голодны? Хотите что-нибудь поесть, чтобы набить желудок?» — неловко спросил старик. Поскольку ребенок проявил доброжелательность, старик не смог сохранить свое холодное поведение.

На лице Ань Мэйцзун появилась любезная улыбка, элегантная, как будто она была дворянкой. Прежде чем она успела вежливо отказаться, ребенок перед ней охотно выразил свое согласие, энергично кивая маленькой головкой. Ань Мэйцзун почувствовала себя несколько смущенной.

Это был ее первый год успешного вступления в семью Инь, и она надеялась произвести хорошее впечатление на старика. Однако Инь Минлу вёл себя как голодный волчонок, лишенный манер. Если бы это была ее дочь, даже если бы она захотела есть, она непременно ответила бы вежливо и изящно, как утонченная барышня.

Чего она не знала, так это того, что именно такая невинность и откровенность привлекли к нему внимание старших.

В этот момент по лестнице медленно спустился молодой человек, стройный на вид и одетый в черную водолазку. Он имел белокурую и красивую внешность, напоминая утонченного и элегантного молодого дворянина, потрясаяще обаятельного. Он улыбнулся и сказал: «Дедушка, второй дядя привез младшего брата?»

<http://bllate.org/book/14980/1325326>